

ОСВОЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА



# Албазинский РУБЕЖ

Помимо того, что сбор ясака и хлебопашество во многом содействовали интересам казны, Албазин был своего рода форпостом на переднем крае восточной политики государства в самом его «проблемном» месте.



### Михаил Кутузов

Эксперт, системный аналитик, игромастер, директор Воронежского института регионального развития, действительный член Русского географического общества, родовой донской казак. Не курит. Живет в поселке Рамонь под Воронежем.  
[getman@box.vsi.ru](mailto:getman@box.vsi.ru)

*Памяти Александра Артемьева, археолога, руководителя Албазинской археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН.*

**В**оенная слава Сибири и Дальнего Востока довольно своеобразна. Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 году, Курильско-Сахалинская наступательная операция 1945 года — вот, пожалуй, и все, что известно средне-статистическому российскому обывателю. Да еще и не самые приятные воспоминания о проигранной русско-японской войне, о конфликте на КВЖД, о событиях на Хасане... Сюда враги не доходили — это отсюда шли знаменитые сибирские дивизии и полки, прославившие себя под Москвой и Сталинградом. Может быть, именно восприятие Сибири как российского военного тыла породило стереотип своеобразной «мирности» сибирской колонизации: «Вставали с плачем от родной земли, омытой неутешными слезами, от Костромы до Нерчинска дошли и улыбались ясными глазами...»<sup>1</sup>. После легендарной до неправдоподобности победы над «злым Кучумом» сибирским землепроходцам якобы приходилось воевать лишь с морозами и гигантскими просторами — до самых «берегов оскаленных Аляски»<sup>2</sup>... Воевали в Европе. Азию колонизировали «относительно мирно» —

по крайней мере до тех пор, пока не столкнулись английские и российские колониальные намерения сначала на Кавказе, потом на Дальнем Востоке (Петропавловск бомбардировали именно английские корабли), а затем и в Средней Азии. Это, однако, на первый взгляд...

В действительности же, как и всякая колонизация, сибирская была связана с жесткой ломкой устоявшихся традиций, социальных отношений, экономических систем. И там, где аборигены могли этому противостоять — они этому противостояли. Вооруженным путем, безо всякой пощады к завоевателям — что вызывало соответствующую реакцию колонизаторов. Об этом не принято вспоминать — что ж, таковы законы времени: мифы начинают со-здавать сразу после события — бывает так, что и в ходе самого события, а после смерти последнего свидетеля их уже некому оспаривать, и они становятся официальной идеологией «присоединения Сибири к России».

Однако даже в самой прилизанной версии «мирной» сибирской эпопеи обязательно прорываются те или иные со-

<sup>1</sup> А. Заболоцкий.

<sup>2</sup> Там же.

В оформлении использованы рисунки из «**Краткой сибирской летописи**», составленной в XVII веке Семеном Ремезовым, а также иллюстрации с сайта **Города и остроги земли Сибирской** (<http://ostrog.ucoz.ru>) и из книги А. Р. Артемьева «**Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII — XVIII в.**» (Владивосток, 1999).

## Именно намерение покорить Пегую орду было поводом, которым Хабаров обосновал свою первую экспедицию в Даурию и на Амур. Немаловажным фактором в его пользу было то, что все расходы Ерофей Павлович брал на себя.

бытия, которые сильно расшатывают устоявшуюся точку зрения. И чукчи с якутами совсем не «с радостью» воспринимали вхождение в российскую действительность, и «христианизация» была отнюдь не добровольной и всеобщей... Из этого же ряда — история Албазина. Пожалуй, единственного, кроме Петропавловска-Камчатского, города СИБИРСКОЙ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ.

**«Даурская земля будет прибыльнее Лены... Да и против всей Сибири место то будет украшенное и изобильное...»**

**(Из «грамотки» якутского воеводы Якова Францбекова царю Алексею Михайловичу относительно перспектив экспедиции Ерофея Хабарова в Даурию. 1649 год)**

Если рассматривать процесс колонизации Сибири, то в ходе него явно выделяется три сонаправленных вектора «восточного» направления. Первый из них — следуя которому Московия вообще оказалась в Сибири — это вектор пушной. Самая ценная составляющая российского экспорта добывалась в самых малопригодных для жизни краях: на Севере и за Уральским камнем. Этот вектор склонялся все более к северу, поскольку именно там обитали самые ценные пушные породы. Пиком этого вектора стала экспедиция Дежнёва в поисках «моржовой корги<sup>3</sup>», где тот мечтал разбогатеть, добывая моржовые бивни, которые к середине XVII века ценились уже выше, чем пушнина. Попутно этот землепроходец открыл пролив между Азией и Америкой, через который тот же пушной вектор «перешаг-

<sup>3</sup> Корга — лежбище.

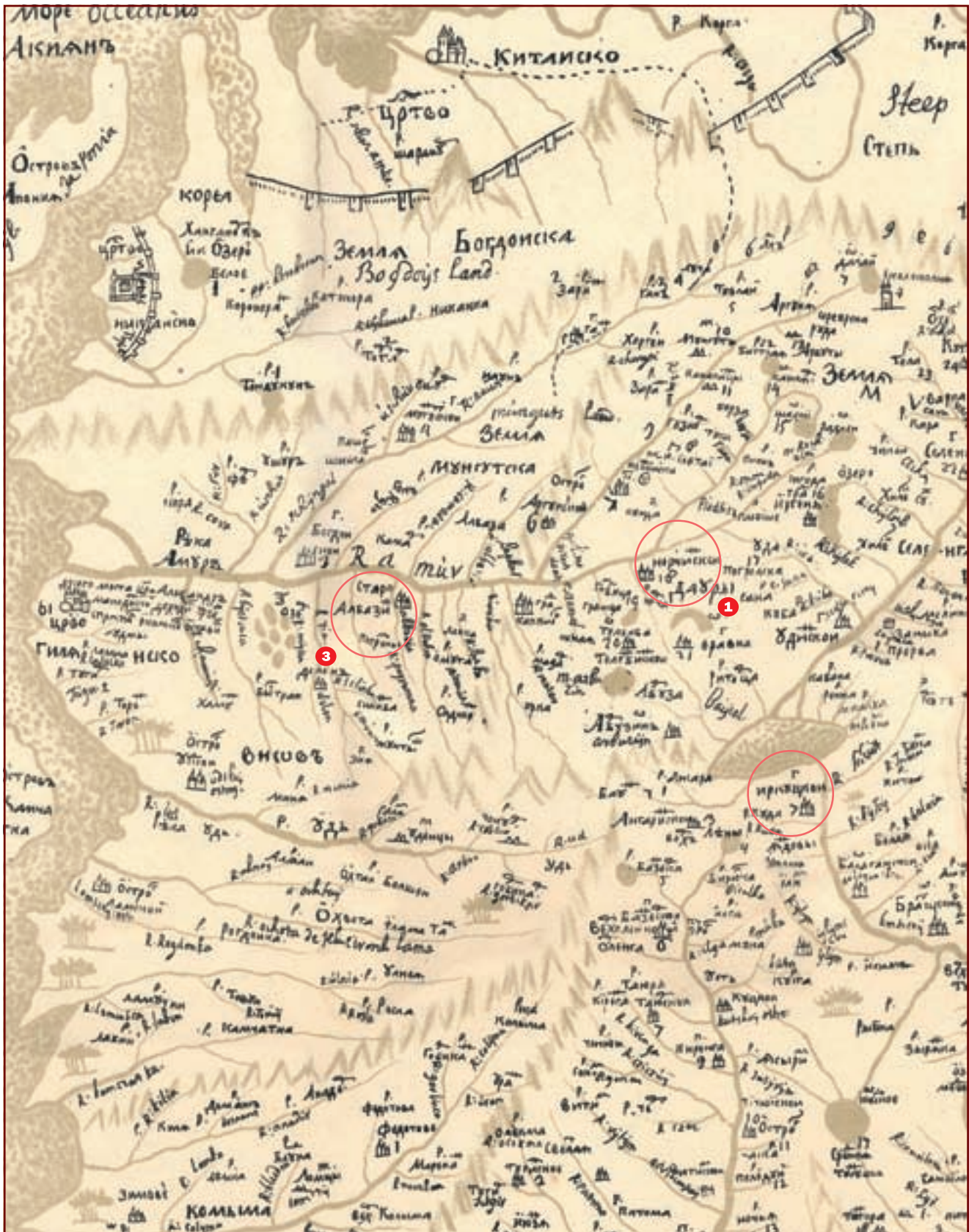
нул» на новый континент уже в XVIII веке, приняв облик Российско-Американской компании, предназначенной для той же пушной деятельности.

Второй вектор — хлебный. Колоссальные пространства, полное отсутствие дорог делали доставку хлеба из-за Урала не только крайне дорогостоящей, но и зачастую в принципе невозможной. Поэтому сибирские воеводы — тобольский, енисейский, якутский — были крайне заинтересованы в «изыскании земель», пригодных к земледелию. Этот вектор существенно отклонялся южнее «генерального» восточного направления.

Наконец, третий вектор — серебряный. Крайняя нужда Московии в драгоценных металлах вынуждала переплавлять в русскую монету иностранные деньги, полученные за экспортный продукт, — тем самым валюта существенно обесценивалась, а в русском языке появлялись новые специфические термины: так, из немецких «иоахимсталеров» возникли русские «ефимки», всюду ходившие в обороте еще при Петре Первом... Третий вектор специальной направленности не имел, поскольку от климатических условий не зависел. Однако волей-неволей он также отклонялся к югу, поскольку узнать о наличии ценной руды можно было только у людей, которых больше было как раз на юге.

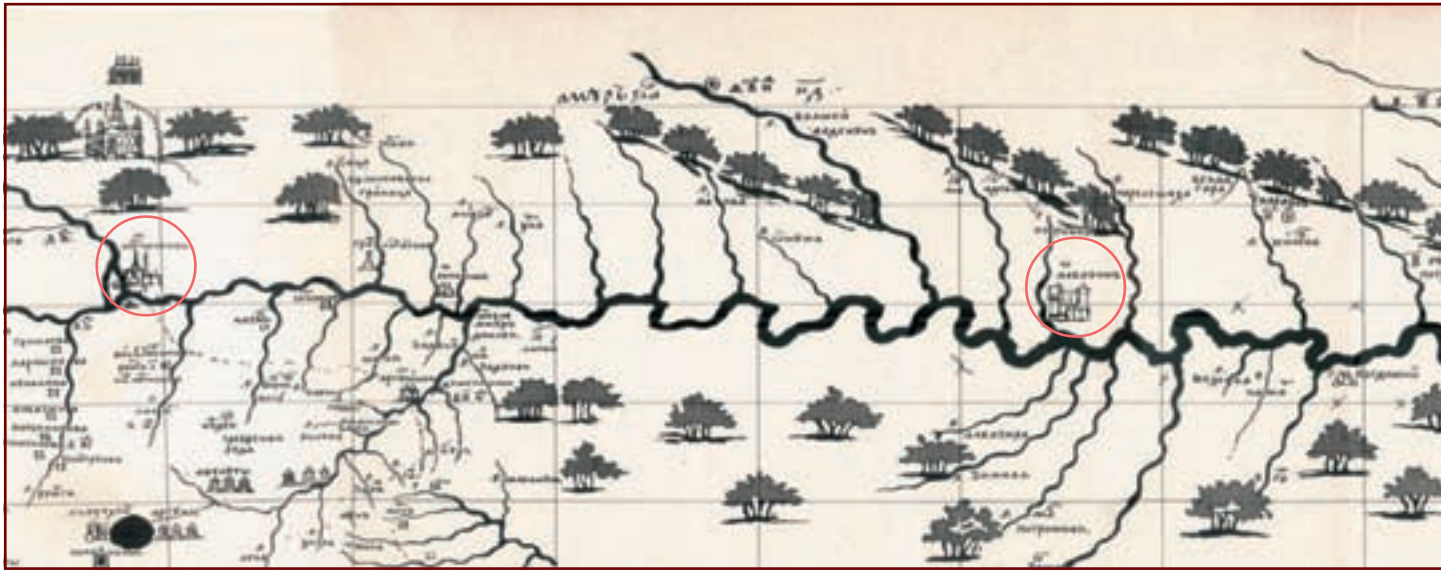
Начиная с середины 30-х годов XVII века центром московской сибирской колониальной политики на крайних восточных рубежах становится Якутск, основанный Петром Бекетовым в 1632 году. Именно из Якутска на юг, в поисках «хлебородных» мест и серебряной руды, было отправлено несколько «казенных» экспедиций. «Письменный голова» Василий Поярков спустился до Амура, прошел его до самого устья, вышел в Тихий океан, есть основания полагать, что побывал и на





Албазинский острог на «Чертеже всех сибирских городов и земель», составленном Семеном Ремезовым в 1698 году. На этой карте, вопреки современной традиции, север расположен внизу, восток, соответственно, слева. Если хотите посмотреть на карту привычным образом — переверните журнал

Оставаясь в Албазине в течение зимы 1651 года, Хабаров собрал «ясаку 166 соболей и 1 шубу, а всего на 293 рубли...». Якутский воевода о том донес в Москву — так в столице впервые узнали о новом российском военном поселении на далеком Амуре...



Сахалине, и вернулся в Якутск алданским путем. Он привез множество ценной информации: вдоль громадной реки возможно хлебопашество, в окрестностях Амура, по сведениям местных аборигенов, находится «серебряная гора Оджал». За якутским малолюдством новые казенные экспедиции отправлять было сложно, но намерения добровольцев на сей счет всячески поощрялись. Одним из таких добровольцев стал Ерофей Павлович Хабаров, которого частенько по незнанию называют казаком. Казаком он, однако, никогда не был: родом из Великого Устюга, предприниматель, впервые начавший сеять хлеб на Лене. Он активно занимался пушным промыслом, его покрученики<sup>4</sup>, очевидно, и разведали более короткий путь в Даурию и на Амур: по Олекме через Яблоновый хребет. Его же разведка донесла о некоей «Пегой орде» —

<sup>4</sup> Промысловики, взявшие предоплату под будущую добычу.



**Печать албазинского острога — единственная сохранившаяся до наших дней печать сибирского острога XVII века. Остальные печати городов и острогов Сибири известны только по описаниям и редким оттискам с них на грамотах**

**Икона Албазинской Божьей матери. Середина XVII века**

**Чертеж течения Амура по «Хорографической чертежной книге» С. У. Ремезова начала XVIII века.**

**На этой карте течение Амура представлено слева направо**



значительном «многолюдстве», проживавшем на юге и «способном» к большому ясаку. Именно намерение покорить Пегую орду было поводом, которым Хабаров обосновал свою первую экспедицию в Даурию и на Амур. Немаловажным фактором в его пользу было то, что все расходы Ерофей Павлович брал на себя.

Экспедиция 1649 года оказалась удачной. Местные жители, дауры, напуганные рассказами о многочисленности русских «воинских людей», бросали свои укрепленные городки и убежали прочь. Убедившись в реальной ценности юго-восточной Даурии, Хабаров вернулся в Якутск, где получил в свое подчинение двадцать служилых казаков, а также пушку (или пушки?) и «огненный припас». Все это весьма пригодились, поскольку дауры быстро поняли, что казаков совсем немного, и начали боевые действия против них. 10 ноября 1650 года ватага Хабарова столкнулась с даурскими силами неподалеку от городка местно-

го князя Албазы. Бой оказался успешным для хабаровцев, поскольку, потерпев поражение «в поле», княжеская дружина не стала оборонять городок, а предпочла бегство. Городок оказался хорошо укрепленным, с большим «хлебным припасом». После того как казакам удалось отбить еще и большой гурт скота, лучшего места для зимовки искать не приходилось. Так осенью 1650 года Албазин формально стал первым русским острогом на Амуре. В том году Хабаров сумел дойти до Усть-Стрелки <sup>2</sup> — места, где Шилка сливается с Аргунью, и поставить там острог, от которого до Олекмы было всего два перехода. Оставаясь в Албазине в течение зимы 1651 года, Хабаров собрал «ясаку 166 соболей и 1 шубу, а всего на 293 рубли...». Якутский воевода о том донес в Москву — так в столице впервые узнали о новом российском военном поселении на далеком Амуре...

А надобность в этой «крепостце» была немалая. Помимо того, что сбор

ясака и хлебопашество во многом содействовали интересам казны, Албазин был своего рода форпостом на переднем крае восточной политики государства в самом его «проблемном» месте. Как отписывали в Москву «видоки», то есть свидетели, даурские люди разделились: часть из них готова принять «руку государеву», а «число немалое» намерено отдаться под власть «богдойских людей», которые, в свою очередь, «подвластны иным государям, имен же не свемы» — то есть неким далеким владыкам, которых даже по имени не знают. Однако воевать тех «немирных дауров» придется, ибо «если прислать побольше войска, то можно ходить войной на князя Шамшахана», с каким ушли немирные дауры, а покорить его выгодно: в его царстве есть серебряная гора, а пути до нее от Амура только 7 ден!». Возможности же для этого есть: как писал в Москву Францбеков, «...Ерофей с служилыми живет в Албазине-городе на реке Амуре в самом крепком месте и за помощью Божьей чают, что его даурам из того места выжить будет ничем не можно... А если пожелает Государь овладеть даурскою землею теми царями Шамшаханом и Алака-Батураканом и серебряной горою, то послать в даурс-



**Албазинский острог в 1682—1685 годах.  
Реконструкция А. Артемьева**

кую землю большую рать... Ратным людям нужно взять хлеба из Якутска по 7 пуд на человека на дорогу до волоку, а за волоком на Амуре можно хлеб взять у даурских людей хоть на 20 тысяч или больше...»

Москва прониклась идеей амурскою. Князь Андрей Лобанов-Ростовский в глубокой тайне был назначен во главу новой экспедиции. Из Мезени и Каргополя, с Белого моря, в Сибирь срочно были направлены корабельные мастера — ладить за два года 80 судов, с тем чтобы в 1653 году весной двинуться вниз «большою силою», к заветной серебряной горе...

Хабаров об этом ничего не знал. 2 июня 1651 года он двинулся из Албазина вниз по Амуре со значительными — по сибирским меркам — военными силами, приводя в покорность где увещеваниями, а где и силой «немирных» даурских или иных князей и «родовичей». В том году Хабаров, продвинувшись по Амуре, достиг мест южнее устья Сунгари, дойдя почти до устья Уссури... Еще четыре года он плавал по Амуре, воевал, добивался успеха и терпел неудачи, но волею судеб в Албазин так никогда более и не вернулся.

**«А если в остроги...  
в прибавку и хлебные  
запасы не пришлются,  
то мне с служилыми  
на службе помереть  
голодною смертью...»**

**(Из письма приказчика Иллариона Толбузина якутскому воеводе. 1662 год)**

Сибирское малолюдство было главной причиной тому, что Амур не заселили еще в XVII веке. Грандиозный план Москвы по покорению новой территории завис, поскольку Хабаров и его сподвижники вплотную столкнулись не с разрозненными силами местных князьков, а с многочисленными маньчжурскими войсками, и многие от того погибли. На большую войну в невероятной дали от Москвы не рискнули. Было решено укреплять свои позиции там, куда «богдойские воинские люди» пойти не смогут: в Нерчинске. А Алба-

зин оставался передовым постом, в котором жило немногочисленное служилое население на свой страх и риск, как разведчики на передовой...

Именно туда, в самый дальний населенный пункт, повадились бегать от суровой казачьей службы вконец оголодавшие «служилые людишки». Снабжение продовольствием было из рук вон плохим: хлеба не хватало ни привозного, ни собственного, которого собирали явно недостаточно, «малою мерой против потребного». Голодный вооруженный человек весьма опасен власти... Албазин и ему подобные поселения были своего рода отдушиной, через которую «спускали пар» социального недовольства.

В 1663 году туда бежали 68 казаков, «улеценных» неким Абрамом Парфеновым, албазинцем. Впоследствии бежали и иные — пожалуй, единственные и парадоксальные в своем роде «вольные» сибирские казаки, поскольку сибирское казачество, в отличие от донского и уральского, ВОЗНИКЛО УЖЕ КАК СЛУЖИЛОЕ.

## Албазинцы вынудили Нерчинск назначить себе «атамана» из своих, самовольно «приняли в списки» 99 человек — жалования на них не полагалось, но для албазинских казаков это были «отговорки воеводские».



Знамя Албазинского острога

В 1665 году «пленный поляк»<sup>5</sup> Никифор Черниговский, служилый казак Усть-Кутского острога (был поставлен смотрителем над соляными варницами), не без весомых на то оснований возревновал свою жену к илимскому воеводе Обухову. Воеводу под горячую руку зашиб до смерти, потом опомнился и сообразил, что надобно ему бечь из Усть-Кута куда подальше, потому как за такое злодейство пощады не будет. Благо, «угодного шатости» народу было множество, и в компанию к Черниговскому набилось ровным числом 84 человека. Добежали они до самого Албазина, который к тому времени практически никем не охранялся и был совершенно

заброшен. За лето и осень соорудили деревянное укрепление в 18 сажень длиною и 13 шириною с тремя башнями: две — в стене от реки, одна — на нагорной стороне с воротами. Острог окружили рвом в 2 сажени шириною, над воротами находилась приказная изба, на ней — караульная. В двух прочих башнях — жилые покои с бойницами. В остроге были только кладовые, жильё казаков располагалось снаружи стен. Всего в 1665 году там собралась сотня с небольшим казаков. Практически все — «конкретные пацаны», у которых были большие проблемы с тогдашним законом.

Пять лет «новые албазинцы» о себе не напоминали. Собирали потихоньку ясак — якобы от имени Москвы. И мечтали о прощении своих грехов: иеромонах Гермоген, бежавший со смутьянами, даже заложил около Албазина

монастырь во имя Спаса, в котором и был единственным монахом. Черниговский, однако, был озабочен более делами земными, нежели небесными: в 1670 году он посылает в Нерчинск 93 соболя. По нерчинским меркам — немного, но важно ОТКУДА! А следующий ясак был отправлен напрямую в Москву с покаянием... Реакция была весьма своеобразной. 15 марта 1672 года Черниговский с сыном и главными общниками (всего 17 человек) были приговорены к смертной казни, остальные 46 человек «разбойных» — к отсечению руки и битью кнутом. При том что находились все эти осужденные совсем не на Лобном месте, а в полугоде пути от Москвы... Через два дня все осужденные были помилованы, Никифору «со товарищи» было велено быть в Албазине в царской службе. За свою службу казаки получили 2000 рублей награды. «Конкретные пацаны» из «незаконных вооруженных формирований» стали «государственными служащими». Социальная технология весьма успешная — нам с вами есть реальная возможность в этом лишний раз убедиться в «нашей с вами современности».

Из Нерчинска в Албазин был прислан приказчик — для пригляду. Гулящие люди, прибывшие к хлебобродным местам, за короткое время построили Покровскую слободу и присадились к Албазину пашенными крестьянами. Городок возник как бы сам по себе — и очень вовремя...

В 1667 году от богдыхана «под руку государеву» перешел тунгусский князь Гантимур с 40 родовыми старшинами и родственниками. Пришедшие с ним воины впоследствии вошли в число служилых казаков и составили пятисотенный тунгусский полк — прадедушку забайкальского конного казачества. Это событие послужило первым раздражителем в ухудшении отношений Москвы и Китая, впоследствии приведшем к военному столкновению — у Албазина.

<sup>5</sup> Очевидно, смоленский или стародубский пленник, возможно, старовер с Вятки — именно их в Сибири называли «поляками» вплоть до XX века.





Договариваться нужно либо сейчас, либо после войны. В том, что ее не избежать, к середине 1683 года уже никто не сомневался. Вопрос был лишь в том, успеют ли к ней достаточно подготовиться.

**«Есть у богдойского царя такая дума: собрана у него большая сила... Посылает де свою силу войною под Нерчинский и Албазинский остроги».**

(Из письма коменданта Албазина Андрея Войейкова своему отцу, нерчинскому воеводе Федору Войейкову. 1682 год)

Амур был слишком велик, чтобы им могли владеть поодиночке богдыхан или Белый царь. И слишком мал, чтобы на нем могли мирно ужиться два этих властителя...

В марте 1681 года «тайной грамоткою» албазинский приказчик боярский сын Яков Евсеев доносил, что китайцы начали тайную разведку русских поселений, начиная от устья Зеи. Китайские «воинские люди» просили де его, Якова, поехать с ними для переговоров с их воеводами. Тот отка-



зался, но отправил с китайцами семейных казаков провожатых. И те донесли по возвращении, что китайцы собирают «огненный припас» и готовят «бусы» — тяжелые плоскодонные баржи для перевозки большого числа людей и лошадей. В сентябре того же года к китайцам для переговоров был послан десятник Юшка Алексеев, который привез совершенно сногшибательное требование от китайского воеводы: тот требовал якобы по повелению богдыхана «свести» Долонский острог <sup>3</sup> у Зейского устья, иначе быть войне... Еще более серьезным предостереже-





нием послужило массовое бегство в русские земли тунгусов из китайских пределов — люди бежали от возможной войны.

В это время произошли события, сильно осложнившие ситуацию. Албазинские казаки, чье своеволие вынужденно признала Москва, хорошо запомнили урок. Всякие попытки нерчинского воеводы Федора Войейкова подчинить себе албазинскую вольницу заканчивались ничем. Албазинцы вынудили его назначить им «атамана» из своих, Семена Войлошникова. Самовольно «принял в списки» 99 человек — жалования

**«Чертеж земли Нерчинского города»** взят из «Чертёжной книги Сибири» С. Ремезова — первого русского атласа, обобщившего результаты русских географических открытий XVII века. На этой карте север внизу

на них не полагалось, но для албазинских казаков это были «отговорки воеводские». Мало того, лихие казачки намеревались уйти на Амгунь «поймать китайских людей» — себе и другим на погибель. Разборка дошла до самой Москвы, куда шли жалобы воеводы на албазинцев и албазинцев на Войейкова...

Тем временем весной 1682 года китайцы строят «земляной городок» Айгунь в одном дне пути от устья Зеи<sup>4</sup>. Тремя годами позже они перешли на правый берег Амура и утвердились в зейско-бурейской котловине — самом плодородном месте среднего Амура... Продовольственный вопрос для будущей армии фактически был

По всему Забайкалью собирали хлеб для Албазина — передового рубежа обороны: иркутские купцы за свой счет покупали муку и толокно для казаков-амурцев. С крепостных стен снимали пушки, которые на руках собирались нести к Албазину — там нужнее...

решен. После оставления в 1682 году Долонского острога русские были окончательно вытеснены к Албазину и Нерчинску.

Три года шли непрерывные стычки между мелкими группами китайцев и казаков. Казаки «изловили и пожгли» китайских торговцев, китайцы захватили в плен ясачный отряд Григория Мельника, не дав ему спуститься ниже устья Зеи. Бегство из китайских пределов продолжалось. Становилось понятным: дело зашло слишком далеко. Договариваться нужно либо сейчас, либо после войны. В том, что ее не избежать, к середине 1683 года уже никто не сомневался. Вопрос был лишь в том, успеют ли к ней достаточно подготовиться.

26 ноября 1683 года китайцы послали в Албазин разведочный отряд почти в тысячу человек — якобы для поимки беглых китайских подданных. Войлошников отвечал, что выдать беглых он не вправе — поскольку оные беглые «к шерти приведены», то есть взяты в подданство Белого царя и могут быть отпущены только с его ведома. А если китайские воинские люди так в том заинтересованы — не смотреть ли им в Нерчинск, где и начальства побольше, и воеводы повыше... А ему самому переговоры вести «неуместно»... Китайцы, однако, от предложения отказались и ушли вниз по Амуру. Следом за ними скрадом ушли одиннадцать казаков под командой урядника Михайлы Панкратьева — для досмотра. Через два дня посланные вернулись и сообщили, что китайцы «не мешкая» ушли вниз по Амуру. В Нерчинск, с заводным конем в поводу, стоя в стременах, полетел нарочный с письмом воеводе: «...Приезжали они, богдойские люди, не для беглых мужиков, а для осмотра острогов и много ли в них русских...»



**«А из Албазина...  
им для того не бежать.  
А сколько де пороху будет  
и они де с тем порохом  
готовы умереть... а острог  
де они не покинут».**

**(Из записанного решения казачьего Круга в Албазине по прочтении письма богдыхана в начале зимы 1684 года)**

Известия о возможном нападении на Албазин вынудили всех сибирских воевод озаботиться его укреплением. Причина была более чем значительной: за семь лет до описываемых событий русские таки нашли серебряную руду, и начинали потихоньку ее разработку. Албазину и забайкальским острогам БЫЛО ЧТО защищать. И дожи-

даться московской подмоги не приходилось.

Вновь назначенный нерчинским воеводой Иван Власов предпринимал решительные шаги для обеспечения Албазина достаточным количеством людей и припасов. Все контингенты, шедшие из Западной Сибири, прямоком направлялись в Албазин — при том, что из Тобольска и Томска слали далеко не самых лучших и дисциплинированных. Общий сбор всех «поверстанных» осуществлялся в Енисейске, откуда они шли к месту службы уже единой командой, под рукой назначенного командира. В самом начале 1685 года из Енисейска выдвинулся большой сборный отряд тобольских, верхотурских, тюменских, туринских и пеших<sup>6</sup> казаков — общим числом 600. Командовал ими Афанасий Бейтон — обедневший прусский дворянин, нанятый в русскую армию перед Смоленс-



На рисунке неизвестного китайского автора XVII века, хранящемся в Библиотеке американского Конгресса, объединены воедино две осады Албазинского острога маньчжурами в 1685 и 1686—1687 годах. Изображены оборонительные укрепления Албазина 1685—1689 годов, сооруженные перед второй осадой крепости, и отряд переселенцев, прибывших к острогу 15 июля 1685 года, во время первой осады острога

кой кампанией в 1654 году, служака, искавший славы и удачи на окраине Московии. По всему Забайкалью собирали хлеб для Албазина — передового рубежа обороны: иркутские купцы за свой счет покупали муку и толокно для казаков-амурцев. С крепостных стен снимали пушки, которые на руках собирались нести к Албазину — там нужнее... Передовой отряд Бейтона прибыл в Нерчинск 23 июня 1685 года, сам он прибыл лишь 9 июля. От Нерчинска до Албазина пути было «конно и оружно» две недели...

Однако все предпринятые усилия оказались бесполезными.

4 июня монголы угнали немногочисленный конный табун албазинцев. 9 июня утром донесли о значительных китайских силах на реке.

10 июня 1685 года до 8 тысяч<sup>7</sup> китайского войска взяли Албазин в осаду. Вооружение осаждавших составили 200 пушек, из них 50 осадных, специально предназначенных для стрельбы по крепостным стенам. Первая оборона Албазина началась с обстрела в одну сторону: у оборонявшихся на три пушки было ровно три ядра... Спасало лишь то, что китайцы были вооружены главным образом луками, ружей было мало.

11 числа начальник китайского отряда послал в крепость письмо, написанное на трех языках: по-русски, по-маньчжурски и по латыни — китайцы знали, что в крепости могут быть европейские наемники русского царя. Генерал предлагал сдаться на почетных условиях. Воевода не отвечал. В крепости вместе с крестьянами и семья-



Албазинский острог. Осада крепости маньчжурами в 1686—1687 годах. Рисунок из книги Н. Витсена, 1692 год

ми было 450 человек, из них вооруженных 200, хотя мушкетов было 300: иные стрелки могли бить с двух стволов, лишь бы пороха и свинца хватало.

С 12 июня китайцы начали планомерно расстреливать крепость. Башни были разбиты на четвертый день, зажигательными ракетами подожжены амбары и церковь. Потери к середине второй недели осады составили более 100 человек. Свинец и порох закончились к 24 числу.

По просьбе священника Толбузин начал переговоры с китайцами о почетной сдаче «с выходом». Маньчжуры неожиданно быстро согласились, лю-

дей отпустили — правда, ограбив при этом нещадно. 25 казаков из числа оборонявшихся на почетных условиях приняли предложения о службе богдыхану — настояв, однако, на сохранении православной веры и взяв с собою к новому «месту службы» албазинского священника Максима Лентьева. Остатки гарнизона с семьями (общим числом до 300) вместе с воеводой ушли в Нерчинск... Утром второго дня пути они встретили столь долгожданное подкрепление под командованием пятидесятника Анцифера Кондратьева. Кондратьев вез на стругах 5 пушек, еще 300 мушкетов, семь с половиной пудов свинца и восемь пудов пороха... Однако оборонять было уже нечего. И Кондратьев вернулся в Нерчинск вместе с Толбузиным. Прибыли они 10 июля, а 9-го, днем раньше, туда же прибыл и Афанасий Бейтон.

<sup>6</sup> Пешими называли казаков, которые приставали к ватагам по пути следования. Пешими они считались до тех пор, пока не были включены в списки той или иной крепости или острога. А включить их туда могли только при наличии вакансий. При сокращении вакансий и отсутствия земельного имущества бывший «городской» или «острожный» казак становился заштатным. Мог стать пешим — если пристанет к формируемой казачьей ватаге в ожидании места или в надежде на добычу.

<sup>7</sup> Некоторые источники называют цифру в 10 тысяч.

В апреле ситуация стала ужасающей: цитадель была завалена трупами, хоронить которые не было сил. Бейтон на костылях едва взбирался на стены, но командовал властно и решительно: никакой сдачи, держаться до последнего человека.



Северо-западная часть Албазинского острога. Раскопки А. Артемьева на месте, где находилась полуземлянка (1992 год)

на срочно была отправлена к Албазину, и идти им велено было «с великим поспешанием»: тысяча с лишним десятин хлеба в Сибири — ценность величайшая. Следом за ними в течение двух недель августа ушли к Албазину и все остальные: 516 служилых казаков и 155 крестьян. Начальство над ними было поручено Алексею Толбузину.

Хлеб убрать успели. Всю зиму строили городские укрепления, понимая, что китайцы непременно вернутся. Кстати, на пепелище Албазина нашли китайского мальчонку, сына казненного лоцмана, который объяснил причину столь внезапного отхода войск: в Маньчжурии начался бунт, войска ушли на подавление. За зиму город обнесли валом высотой в три сажени. Внутри крепости построили дом для воеводы, за стенами — десять домов для команды. Весной опять посеяли хлеб...

К середине июля все силы, назначенные в подчинение воеводе Власову, собрались в Нерчинске: 815 казаков и 155 албазинских крестьян, готовых постоять за родные пепелища. Это была реальная сила, и Власов принял решение возвратиться к Албазину. Уже через неделю после прибытия Толбузина в Нерчинск обратно на Амур была направлена разведочная команда пятидесятника Телицына. 7 августа Телицын вернулся и привез очень важную информацию: КИТАЙЦЕВ В АЛБАЗИНЕ НЕТ. Ближайшие воинские контингенты — аж в Айгуни, на Зее. А засеянный хлеб — ЕСТЬ! Стоит в полях на корню, и если не убрать за неделю-две — пропадет, сентябрьские заморозки в тех местах — вещь обычная.

«Хлебоуборочная» команда из 180 казаков и крестьян с пушкой и 20 ядрами, свинцом и порохом на легких стругах под командой Афанасия Бейто-



Полуземлянка с останками непогребенных в 1686—1687 годах защитников острога и нательные кресты, найденные при раскопках

## Шестого мая китайцы отошли от стен крепости, сняв осаду. В Албазине осталось 66 человек... ПОБЕДИТЕЛЕЙ. В Нерчинск ушел посыльный. В крепость повезли хлеб...



В марте появились китайские разведчики. В одной из стычек с великим трудом удалось взять языка, от которого вывели, что бунт подавлен, и на будущий год цинкарский губернатор (цзянь-цюнь) собирается войной на Албазин, а до того времени его будут всяко тревожить китайские конные разъезды и «охотники».

Однако Бейтон языку не поверил: он ожидал нападения уже в наступившем году... Потому и собрал всех окрестных крестьян с заимок в крепость, а заимки сжег. Предчувствия его не обманули.

12 июля огромная китайская армия вновь осадила Албазин. В крепости находились 736 человек, было 11 пушек, 112 пудов пороха и 137 пудов свинца. Китайцы вели правильную осаду, окапывая крепость и огораживаясь палисадом. На его уничтожение ушла львиная доля ядер. Китайцы тем временем насыпали вал, на который вкатили пушки для настольного огня. 1 сентяб-

ря контратаками казаков был сорван первый штурм крепости. В конце месяца были убиты Толбузин и крепостной священник, команду принял Бейтон. С этого времени всех погибших складывали в «полужемлянки», потому как хоронить их по христианскому обычаю не получалось... Перезахоронили защитников Албазина археологи экспедиции Александра Артемьева уже в 90-е годы XX века. Как полагаются: с отпеванием батюшкой...

Всю зиму албазинцы держали осаду. Китайские солдаты сильно страдали от

холода — мерли сотнями. Цинга косила защитников крепости... К концу зимы караулы могли держать только 30 казаков и 15 малолетков. В апреле ситуация стала ужасающей: цитадель была завалена трупами, хоронить которые не было сил. Бейтон на костылях едва взбирался на стены, но командовал властно и решительно: никакой сдачи, держаться до последнего человека. 6 мая китайцы отошли от стен крепости, сняв осаду. В Албазине осталось 66 человек... ПОБЕДИТЕЛЕЙ. В Нерчинск ушел посыльный. В крепость повезли хлеб...

29 августа 1687 года китайские воеводы послали Бейтону извещение о том, что между Пекином и Москвой ведутся переговоры о перемирии... 30 августа перемирие было заключено. Китайцы совсем ушли в Маньчжурию, на реку Нонни.

Еще два года русский гарнизон находился в Албазине. По договору Нерчинского мира Албазин срыли, гарнизон увели — на этом условии китайцы соглашались на проведение границы по реке Горбице (вначале предлагали провести границу... по Лене!) и не переселяться на правый берег Амура, не строить там городов и укреплений. Нужно сказать, что слово свое они сдержали честно...

Афанасий Бейтон умер в 1703 году. Его сын Иван женился на дочери ссыльного гетмана Левобережной Украины Дмитрия Многогрешного, сподвижника мятежного Дорошенки, род Бейтонов хорошо известен в Сибири. Албазин пришел в запустение, лишь икона Албазинской Божьей Матери, вынесенная из города в 1689 году, напоминала о славной эпопее воинской. В 1854 году, во время первого сплава по Амуру, генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев, будущий граф Амурский, специально останавливался у этого места и совершал поминальный молебен о погибших защитниках... С середины XIX века, с создания Амурского казачьего Войска в Албазинской станице жило больше тысячи казачьих семей. Сегодня это населенный пункт Скородинского района Амурской области. Житье там не из легких...

*В Сибири НЕТ другого ТАКОГО МЕСТА. От него не осталось практически ничего. Кроме ПАМЯТИ и СЛАВЫ. Но разве этого мало? Честь потомков — в сохранении славы предков. Это слова великого австрийца Евгения Савойского. Это точно об Албазине... И это всё о нем.*